

УДК 94(575.2):340.141

О НАРОДНЫХ СУДАХ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА (1865–1917 гг.)

А.Л. Салиев

Рассматриваются проблемы деятельности судей по обычному праву (адату) – биев в Туркестане. Отмечается его качество в дороссийском прошлом, а также при царской власти в регионе.

Ключевые слова: Туркестан; Центральная Азия; обычное право (адат); бий; судопроизводство; кыргызы; казахи.

ABOUT PEOPLE'S COURTS OF THE TURKESTAN NOMADIC POPULATION (1865–1917)

A.L. Saliev

The problems of judges activity in accordance with the customary law (adat) – biys in Turkestan are considered. It is noted its characteristics before the establishment of the Russian authority in the region and under it.

Key words: Turkestan; Central Asia; customary law (adat); biy; juridical proceedings; the Kyrgyz; the Kazakhs.

Есть все основания полагать, что институт биев – ключевых фигур в судопроизводстве по обычному праву (адату) кочевников Туркестана – сложился в глубинных пластах средневековья. Мы склоняемся к мнению о том, что вначале этот институт был органически слит с административной (исполнительной) властью. Так было в истории многих народов мира, что можно считать общей закономерностью в их развитии¹. Это подтверждается и тем, что в кочевых сообществах Туркестана биями назывались родоначальники (главы родов и племен), которые часто выступали и как судьи. Современный кыргызский исследователь К. Иманалиев пишет о том, что до присоединения Кыргызстана к России родоплеменные старейшины также именовались “биями” и “осуществляли одновременно как административные, так и судебные функции... Таким образом, слово “бий” до середины XIX в. означало главу и правителя рода и племени и судью, а также только судью”². К такому же выводу приходил в свое время академик АН Казахской ССР С. Зиманов, который писал о том, что

“судебная власть, которая принадлежала биям, имела исключительное значение в казахском обществе. Она была ведущей формой власти в системе управления”³. Процесс разложения патриархального (родоплеменного) общества у номадов Центральной Азии привел к разделению административных и судебных функций биев. Казахские советские историки обычного права указывали, что не каждый бий, родоначальник, мог стать судьей-бием, а лишь действительный знаток обычного права-адата, имеющий к тому же репутацию объективного судьи. Они отмечали, что “бии не избирались и звание бия не было наследственным. Бии выдвигались из среды знатоков обычного права”⁴. Но при этом уточняли, что “человек, носящий звание бия, должен был фактически обладать властью и авторитетом, чтобы не только выносить решения, но и обеспечить исполнение судебных решений. Поэтому бий должен был сочетать в себе функции родоначальника, судьи, административной власти на местах” (курс. наш – А.С.)⁵. Современный казахский исследователь Н.С. Бакина утверждает,

¹ См. об этом напр.: *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права: учебник для вузов. Т. 1 / О.А. Омельченко. М., 2007. 592 с.

² *Иманалиев К.* Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации). Адагы. Кодекс чести. Идеология кыргызов / К. Иманалиев. Бишкек, 2009. С. 81.

³ Цит. по: *Абдакимов А.* История Казахстана / А. Абдакимов. Алматы, 1994. С. 61.

⁴ *Дюков Л.В.* и др. История государства и права Казахской ССР. Т. 1 / Л.В. Дюков, К.А. Жиренчин, Г.С. Сапаргалиев, А.Н. Таукелев. Алма-Ата, 1982. С. 80.

⁵ Там же. С. 80.

что в Казахстане эпохи средневековья “титул бия в основном присваивался народным судьям”¹. Она также указывает, что в Казахском ханстве “исполнительная власть... принадлежала биям”². Другой современный историк Казахстана А. Абдакимов отмечает, что понятие “бий” у казахов было шире понятия “судья”. По его мнению, бий понимался ими как советник народа, оратор, акын, посредник в спорах, а уже потом – судья. Абдакимов пишет: “Известно, что в истории есть примеры, когда авторитет биев стоял выше авторитета хана”³. Он также указывает, что дело судей-биев было сложным: “Бии должны были обладать памятью и знанием примеров решений различных дел в прошлом. Свои доводы они были обязаны подкреплять фольклором, а при состязательности сторон – своей блестящей речью, остроумием и логикой убедить в правоте своих решений”⁴. По мнению Абдакимова, в казахской истории насчитывалось более 100 крупных биев, которые были не только знатоками права, но и крупными общественно-политическими деятелями. Среди них казахстанская власть выделила только три наиболее крупные фигуры. В начале 90-х гг. XX в. кабинет министров Казахстана постановил ежегодно 28–30 мая в местности Ордабасы Южно-Казахстанской области торжественно отмечать память великих казахских юристов прошлого: Толе-би, Казыбека-би и Айтеке-би. В 1993 г. на таких торжествах присутствовали президент Казахстана Н. Назарбаев, президент Кыргызстана А. Акаев и президент Узбекистана И. Каримов. Тогда же отметили 330-летие со дня рождения знаменитого Толе-би – легендарного “юрисконсульта” хана Тауке. Толе-би был одним из соавторов первого свода казахских законов – “Жеты Жаргы”. Он был родом из Старшего жуза, его полное имя – Толе-би Алибек Уллы (1663–1756). Другим известнейшим судьей-бием был Казыбек Кедер-бек Уллы (1665–1765), родом из Среднего жуза. Вместе с ханом Семеке он принимал присягу на верность России, был противником Цинского Китая и ратовал за союз с Россией. Похоронен бий Казыбек у мечети “Хазрет Султан” (Ходжи Ахмеда Яссави) в г. Туркестане. Третьим известнейшим казахским бием был Айтеке-би Байбек Уллы (1681–1737) из Младшего жуза. Он окончил медресе “Кукульташ” и слыл весьма образованным чело-

веком⁵. Любопытно, что к “лику святых” кочевой юриспруденции казахскими властями не был причислен бий Анет-баба Кишик-уулы (1623–1723) из рода “тобыкты”, племени “аргын”, хотя все вышеуказанные знаменитые бии считали его своим учителем. К тому же, он был главным бием при Тауке-хане, а потому и главным автором “Жеты жаргы”.

Подобная парадигма близости биев к власти имела место и в кочевых сообществах кыргызов. К. Иманалиев указывает, что в дороссийский период “у каждого (кыргызского – А.С.) племени были свои знаменитые бии, которые не только участвовали в решении уголовных, гражданских дел, но также являлись советчиками и ораторами. Например, у племени солто был известный Шааке-бий, а у племени саяков – Калыгул-бий, который был не только бием, но также замечательным оратором – “чеченом”. Должность бия не была строго наследственной, однако получить это звание дети биев имели больше шансов, нежели другие представители феодалов. Вообще биями в подавляющем большинстве случаев были выходцы из богатых и знатных семей. Но ими могли стать и выходцы из простого народа, если они на айыльном, родоплеменном собрании – “дуване” – доказывали свои способности и знание обычного права кыргызов. В народном сознании звание бия могло принадлежать тем немногим, которые отличались безукоризненной честностью, природным умом, имели глубокие познания в коренных обычаях народа. Бий есть живая летопись народа, юрист или его законовед.⁶ Соображения К. Иманалиева перекликаются с тем, что писал неизвестный автор записки “О народном суде” (об организации народных судов в Туркестанском крае), обнаруженной нами в Государственном архиве РФ. Аноним отмечал, что в дороссийский период судьи-бии приобретали себе известность среди соплеменников “природным умом и даром красноречия... глубоким познанием в коренных обычаях народа и в исторических о них преданиях”.⁷ При этом он задавался вопросом: “Посмотрим, что есть в киргизском суде сейчас?” и отвечал: “В бии выбираются теперь люди неграмотные даже по-татарски, ничем не выделяющиеся из неграмотной массы киргизов, не только знанием коренных обычаев, но даже первичных правил справедливости и честности”.⁸ Аноним указывал, что, “если нет би-

¹ Бакина Н.С. История средневекового Казахстана / Н.С. Бакина. Алматы, 2012. С. 91.

² Там же. С. 111.

³ Абдакимов А. История Казахстана / А. Абдакимов. Алматы, 1994. С. 64.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ См.: Абдакимов А. История Казахстана / А. Абдакимов. Алматы, 1994. С. 62.

⁶ Иманалиев К. Указ. соч. С. 55.

⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1777 – Записка “О народном суде” (об организации народных судов в Туркестанском крае). Л. 1.

⁸ Там же. Л. 3.

ев-юристов живой летописи народной, то не могли сохраниться в чистоте и судебные обычаи, которые в действительности заменились теперь личными взглядами и симпатиями волостных биев¹. Мы полагаем, что неизвестный автор указанной “записки” был прав. Кочевники Центральной Азии достаточно критично относились к суду биев. У кыргызов, например, издавна существовали такие поговорки: “Где есть два судьи, там будет четыре тяжбы”, “У справедливого судьи нет родни, у судьи с родней – нет совести”, “Несправедливый судья измучает народ” и др.² Поэтому далеко не все судьи-бии уважались в народе. Выдающийся путешественник Чокан Валиханов отмечал в “Записке о судебной реформе”, что для того, чтобы стать бием среди кочевников, человек должен был иметь определенные качества, уважаемые в народе. И ему надо было прослыть в народе знатоком кочевого права. Валиханов писал: “Бий только тогда судья, когда к нему обращаются тяжущиеся, обращаются же к нему, пока он пользуется хорошим “реноме”, только потеря авторитета лишает его бийского звания”³. В связи с этим мы хотели бы заметить, что судьи-бии не были единственными представителями кочевой Фемиды в Туркестане. Бывший начальник Иссык-Кульского уезда, Семиреченской области майор Г.С. Загряжский писал о том, что любой киргиз может выступить в роли “разбирателя” дел, если к нему за этим обратятся⁴. При этом сам он выступал за то, чтобы право судить людей имели только выборные бии как официальные представители власти, а не всякий, кто знает обычное право и умеет его применять⁵. Упомянутый нами выше К. Иманалиев пишет о том, что в кыргызских кочевьях, кроме биев, были и советы аксакалов, разбиравшие также и конфликты, споры, жалобы и т. п. При этом он подчеркивает, что суды аксакалов, как и суды биев, “осуществляли правосудие не произвольно, а в соответствии с нормами и правилами обычного права адата”⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1777 – Записка “О народном суде” (об организации народных судов в Туркестанском крае). Л. 1.

² Цит. по: Сердцем написанное: неизданное наследие писателя Николая Симоновича Чекменева: сборник. Бишкек, 2006. С. 262.

³ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе / собр. соч. в 5-ти т. Т. 4 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. С. 91.

⁴ Загряжский Г. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876. С. 192.

⁵ Там же.

⁶ Иманалиев К. Указ. соч. С. 81.

С присоединением Казахстана и Средней Азии к Российской империи качество кочевых судей-биев стало постепенно меняться, причем далеко не в лучшую сторону. Введение царской властью в Туркестане системы так называемого “туземного” судопроизводства и судопроизводства, принципа выборности народных судов, наделение их достаточно широкими полномочиями только форсировало этот процесс. При этом мы далеки от мысли обвинять в дегенерации народных судов в регионе только русский царизм. Отнюдь. В большей мере в этом сыграли роль сугубо объективные обстоятельства. Присоединение к России ускорило процесс разложения патриархального (родоплеменного) строя, его классовой дифференциации. Советский исследователь Н.Е. Омелин писал о том, что “при господстве в аулах феодальных отношений манапство держало в своих руках не только местное управление, но и местный суд, выдвигая и приводя в качестве биев своих людей. Такой “народный” суд был в руках манапов сильным и острым оружием против феодального крестьянства, букары”⁷. Омелин указывал, что “народные” суды помогали эксплуататорам из кочевой верхушки обирать до нитки простой народ. Известный государственный деятель Туркестана, ученый В.П. Наливкин, писал о том, что при русской власти “до невозможной степени продажности и лицемерия дошел народный суд”⁸. Он отмечал, что из-за продажности своего суда, отчаявшись решить свои дела по справедливости, кочевники стали обращаться в русские суды, но их там не принимали, поскольку “по силе нашего местного закона (“Туркестанского положения” 1886 г. – А.С.), дела между туземцами могут рассматриваться в русском суде лишь при желании обеих тяжущихся сторон (а не одной только)”⁹. Наливкин указывал, что достигается такое взаимное согласие редко, так как “неправая, но состоятельная сторона обыкновенно предпочитала суд народный, где то или другое решение всегда оказывалось возможным купить за достаточную мзду”¹⁰. Подтверждением этому служит следующий факт. В 1894 г. киргиз Алтыновской волости Сырдарьинской области Тазабек Джанкасымов подал жалобу на несправедливое решение его дела бием Булатовской волости Муллою Сулейманом, в которой обвинял того во взяточничестве¹¹. Нередко кочевники

⁷ Омелин Н.Е. История колонизации Средней Азии царской Россией / Н.Е. Омелин // Ташкентский финансово-экономический институт. Научные записки. № 3. Ташкент, 1948. С. 51.

⁸ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин. Ташкент, 1913. С. 126.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5210 – По обвинению киргизом Алтыновской волости Тазабеком

требовали от властей смены взяточника-бия (то есть его перевыборов). Но среди биев были и совершенно неожиданные личности. Историк кочевого обычного права (адата) С.К. Кожоналиев писал о том, что в Прииссыккулье обязанности народного судьи-бия исполнял русский казак, избранный самими кыргызами. Он признавал, кстати, что об этом случае еще в 1878 г. писал Ю.Р. Россель в журнале “Вестник Европы”¹. Мы не исключаем, что такой случай мог иметь место на самом деле.

Формируя корпус кочевых судей-биев, царская власть в проекте “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях” 1867 г., ограничила § 182-м его численность в волостях – от 4 до 8². Но законодатель тут же, в § 184, указывал, что “число биев в волости соотнобразяется с числом кибиток в ней”³. Но в Проекте не указывалось, от какого именно “числа кибиток” следовало выбирать бия. Поэтому реальная численность биев в волостях Туркестана часто превышала высший предел “проектной” нормы (т. е. 8 судей). Прокурор Нижегородского окружного суда Дитлов, отвечавший в правительственной “ревизии” Туркестанского края (1882–1883 гг.) сенатора Ф.К. Гирса за проверку деятельности русских и “туземных” судебных учреждений, естественно, изучал и кадровый состав судейского корпуса биев в регионе. Так, в 1883 г. в Казалинском уезде Сырдарьинской области он обнаружил 139 биев. В среднем численность биев, по данным Дитлова, в волостях этого уезда колебалась от 7 до 18 чел⁴. Такая же ситуация была и в других волостях. Поскольку “ревизия” Туркестанского края собирала материалы для составления нового правительственного “Положения” об его управлении, то Комиссия по выработке его проекта, возглавляемая графом Н.П. Игнатьевым, 30 марта и 19 апреля 1884 г. обсуждала и вопрос о численности биев в волостях. Она пришла к заключению о том, что не следует устанавливать точное число биев в волостях края, а надо лишь указать, чтобы “оно не превышало числа аулов в волости”⁵. В “Объяснительной записке к про-

екту Положения об управлении Туркестанским краем”, подписанной председателем правительственной комиссии по его выработке, графом Н.П. Игнатьевым, отмечалось, что “комиссия нашла полезным постановить, чтобы у кочевников в каждом ауле полагается особый бий”⁶. Поэтому в статье 222-й “Туркестанского положения” 1886 г. было записано: “Число народных судей и пределы их участков определяются областными правлениями... с тем, чтобы у оседлых туземцев не приходилось больше одного судьи на волость, а у кочевников число судей в волости было не менее четырех и не более числа аульных обществ в волости”⁷. Руководитель правительственной “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг. сенатор К.К. Пален в своем “всеподданнейшем” отчете писал, что кочевники старались выбрать для решения дел биев своих сородичей и из своей “партии”⁸.

Как известно, избранные бии получали от царской власти должностные знаки и печати. Как правило, они принимали их с должным уважением и носили их не без гордости. Однако были и случаи иного рода. Известный российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов, основываясь на архивных материалах, пишет о том, что “в 1880-х гг. семиреченский губернатор писал в Канцелярию Степного генерал-губернатора, что бии Иссык-Кульского уезда категорически отказались носить установленные для них знаки, сославшись на то, что ислам запрещает носить *сурот* (изображение) и на то, что сородичи отвернутся от них как от изменников веры, перешедших в христианство”⁹. По мнению П.П. Литвинова, это было следствием усилившейся исламизации кочевников Туркестана.

Безусловно, вопрос о судьях по обычному праву кочевников Туркестана весьма обширен и многогранен. В рамках одной статьи трудно охватить все проявления этого института кочевого судопроизводства в Центральной Азии рассматриваемого периода.

Изложенное выше дает нам основание сделать вывод о том, что институт кочевых судей-биев сложился в результате “разделения властей” в патриархальных (родоплеменных)

Джанкасымовым бия Булатовской волости Муллы Сулеймана во взяточничестве.

¹ Кожоналиев С.К. Суд и уголовное право киргизов до Октябрьской революции (1850–1917 гг.) / С.К. Кожоналиев. Алма-Ата, 1967. С. 6–7.

² Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., 1867. С. 29.

³ Там же.

⁴ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4879 – Материалы Ревизии прокурора Дитлова народных судов в Туркестанском крае. Л. 54–57, об.

⁵ Россия. Государственный совет. Департамент законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886. 12-я пагинация. С. 12.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Высочайше утвержденное “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886 год. СПб., 1888. № 3814. С. 336.

⁸ Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края / Пален. СПб., 1910. С. 47.

⁹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): по архивным материалам / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 155.

сообществах кочевников Туркестана, то есть отделения административных функций от судебных. Именно судьи-бии стали главными генераторами совершенствования и развития обычного права (адата) кочевых народов Туркестана. До присоединения к России качество суда биев было весьма значительным, а сам суд – народным, хотя он и был связан с родоплеменной верхушкой кочевников. Царская власть сломала традиционное судостроительство и судопроизводство в кочевом мире Центральной Азии, однако главной причиной его упадка были не “русские порядки”, а объективное разложение патриархального (родопле-

менного) быта, позволившее кочевой элите подчинить себе “битюм”, сделать его инструментом влияния на сородичей и соплеменников в своих руках. Меры царских властей по правовому регулированию деятельности судопроизводства по обычному праву (адату) кочевников Туркестана оказывали на него более формальное, нежели сущностное влияние.

По нашему мнению, несмотря на известный регресс патриархального быта кочевников региона, суд биев по обычному праву (адату) в рассматриваемый период в целом оправдывал свое существование и был нужен народу.